

У ИСТОКОВ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: СИБАВАЙХИ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

«КНИГА» Сибавайхи – первый всеобъемлющий труд по грамматике арабского языка (АЯ) – в мусульманской духовном наследии занимает особое место. Ее называли «Кораном грамматики» [Maḡātib 1954, 65], и когда кто-нибудь из басрийцев говорил, что он прочитал «Книгу», речь шла, вне всякого сомнения, о трактате Сибавайхи [Aḥbār 1985, 39].

Мухаммад б. Саллам ал-Джумахи (ум. 846), автор труда «Разряды поэтов», говорил, что «в грамматике Сибавайхи был непревзойденным, а его «Книга» явилась вершиной этой науки» [Ta'riḥ XII, 196]. Абу 'Усман ал-Мазини (ум. 861) утверждал, что «тот, кто захотел после Сибавайхи создать большой труд по грамматике, должен устыдиться» [Inbāh 1950–1973, II, 348; Fihrist 1971, 104]. Ал-Джахиз (ум. 869) рассказывал: «Как-то я надумал сходить к Мухаммаду б. 'Абдалмалику¹ и решил подарить ему что-нибудь, но не нашел ничего более достойного, нежели «Книга» Сибавайхи. Я ему так и сказал: «Хотел подарить тебе что-либо, но, подумав, что у тебя и так все есть, не нашел ничего более достойного, чем эта книга. Я купил ее по совету ал-Фарра».

Мухаммад б. Абдалмалик ответил на это: «Клянусь Аллахом, ничего более дорогого ты и не смог бы мне преподнести» [Ta'riḥ XII, 196; BD II, 396].

Ученый конца X в. ал-Джайани ал-Андалуси (ум. 1008) причислил «Книгу», наряду с трактатами Птолемея по астрономии и Аристотеля по логике, к одному из трех фундаментальных трудов, когда-либо созданных человечеством [Mu'ḡam 1923, XIV, 117].

Даже обыватели, похоже, признавали авторитет Сибавайхи в грамматике, не разбираясь в ее правилах. Йакут сообщает такой забавный анекдот: «Некий басри-

ец спросил у торговца, сколько стоит его рыба. Тот ответил: «*bi-dirhamān*» («по два дирхама»). Спросивший рассмеялся, потому что правильный ответ должен быть «*bi-dirhamayn*». Оскорбленный торговец резко парировал: «Дурак ты. Я слышал, как сам Сибавайхи говорил «*samanu-hā dirhamān*» («ее цена – два дирхама»)» [Mu'ḡam 1923, XI, 123].

Подобными сообщениями изобилуют средневековые арабские источники.

Автор «Книги» – родом перс, мусульманин-вольнотпущенник племени ал-Харис б. Ка'б, живший в Басре. Его настоящее имя – 'Амр б. 'Усман б. Канбар, кунья² – Абу Бишр, лакаб (прозвище) – Сибавайхи. На иранские корни Сибавайхи указывает имя его деда (Канбар), однако его собственное имя и имя его отца ('Усман) – чисто арабские. Это свидетельствует о принятии ислама семьей Сибавайхи, возможно, еще во времена его деда, что обычно имело место в I в. хиджры, когда происходила исламизация Западной Персии [Al-Nassir 1993, 4].

В течение жизни и после смерти автор «Книги» известен больше под лакабом Сибавайхи. Такая форма тоже указывает на персидское происхождение слова, но его значение и поныне продолжает вызывать споры. Так, доктор Абд ал-Махди (Тегеранский университет) оспорил традиционную этимологизацию прозвища *Sibawayh* в арабском значении «*Tuffāh Allāh*» («яблоко Аллаха»). Им обычно наделяют человека с румяными щеками [Al-Nassir 1993, 4]. Еще в древности некоторые ученые переводили первую часть его имени (*sīb*) как «яблоко», а вторую часть (*wayh*) – как «аромат» [Inbāh 1950–1973, II, 360; Ṭabaqāt 1984, 73–74].

Сибавайхи родился в южной Персии, в маленьком городке ал-Байда либо в Ахвазе [Ṭahzīb 1964–1967, I, 19]. Единого мнения

относительно дат его рождения и смерти не существует. По всей вероятности, он умер в возрасте около сорока пяти лет [Hārūn 1966, 180] в 180/796 г. К этой дате, несмотря на разногласия, склоняется большинство авторов.

Аз-Зубайди считает, что Сивавайхи умер в возрасте 33 лет [Ṭabaqāt 1984, 74], ал-Азхари утверждает, что он прожил немногим более 40 лет [Ṭahzīb 1964–1967, I, 19], Йакут сообщает, что правильно утверждение о том, что Сивавайхи умер в сорок с лишним лет, поскольку даты смерти Сивавайхи и ‘Исы б. ‘Умара ас-Сакафи (ум. 149/766) разделяет 31 год [As-Sayyid 1984, 9].

Известно, что куфиец ал-Киса’и изучал труд Сивавайхи уже после его смерти, а также то, что Сивавайхи написал «Книгу» после смерти своего учителя ал-Халила (791).

Одни авторы называют местом смерти Сивавайхи Ахваз, другие – Шираз. Оба места находятся в Южной Персии. Аз-Зубайди [Ṭabaqāt 1984, 70–73] и Йакут [Mu‘gam 1923, XIV, 116] утверждают, что могила Сивавайхи находится в Ширазе. На ней якобы имеется стихотворная эпитафия из трех строк, авторство которых приписывается поэту по имени Сулайман б. Йазид ал-Адви [Hārūn 1966, 19].

Когда Сивавайхи был молод, его семья переехала в Басру. Эмиграция неарабских мусульман в арабские мусульманские центры в то время была обычным явлением. К этому побуждало стремление к знаниям, изучению Корана и других атрибутов новой веры, являвшихся символом престижа и социальных амбиций. Юный Сивавайхи попадает в новую среду, где постижение знания и получение образования находились в прямой зависимости от уровня освоения АЯ – языка новой религии. Имея все возможности для приобретения этих знаний, Сивавайхи всецело отдал себя науке.

Его первым учителем мусульманской традиции (Коран, хадисы) стал Хамад б. Салама б. Динар ал-Басри. Хамад рассказывал, как однажды Сивавайхи, записывая какое-то высказывание Пророка, допустил неточность в написании долготы с алифом. Учитель исправил ошибку, настолько смутившую Сивавайхи, что он сломал калам и заявил: «Я не собираюсь больше ничего писать, пока не выучу как следует арабский язык».

Стало быть, согласно традиции, мотивацией к углубленному изучению АЯ послужило уязвленное самолюбие Сивавайхи. Современники характеризуют его как человека очень скромного и трудолюбивого, но с повышенным чувством собственного достоинства. Он всегда имел импозантный внешний вид, был аккуратен, ухожен. Однако о его личной жизни ничего не известно, даже о том, был ли он когда-либо женат.

Не имеется также точных сведений о том, когда Сивавайхи начал свою карьеру как языковед, хотя многие авторы считают, что это произошло, когда он был еще молод. Хамад ал-Басри умер в 167 г. хиджры (=783/784 г.), когда Сивавайхи было приблизительно 30 лет. Один из его коллег, Ибн Айша, упоминает, что в то время он обычно встречался с Сивавайхи в одной из басрийских мечетей. Тогда он прекрасно выглядел и, несмотря на свою молодость, был сведущ во всех науках своего времени, в грамматике же превосходил остальных [Ṭabaqāt 1984, 67; Inbāh 1950–1973, II, 352].

На формирование научного гения Сивавайхи повлияло множество ученых, но безусловное первенство среди них занимает ал-Халил, чье ведущее место в раннем арабском языкознании бесспорно [Рибалкин 2000; Rybalkin 2007]. В лице ал-Халила Сивавайхи нашел не только учителя, но и близкого друга. После его смерти он, должно быть, осознавал потребность записать все то, чему научился от лучшего из своих учителей. Один из коллег Сивавайхи, ‘Али б. Наср б. ‘Али, говорил, что после смерти ал-Халила Сивавайхи предлагал, чтобы филологи совместными усилиями воссоздали основные положения грамматического учения ал-Халила [Ṭabaqāt 1984, 77–78].

Ал-Халил также очень любил Сивавайхи и гордился своим учеником. Всякий раз, когда тот обращался к нему, он отвечал ему неизменной фразой «добро пожаловать посетителю, который никогда не надоедает» (*marḥaban bi-zā’irin lā yumall*) [Ṭabaqāt 1984, 68]. Большую часть жизни они были неразлучны. Ученик пережил учителя на каких-нибудь шесть лет, на протяжении которых и написал свою знаменитую «Книгу».

Помимо ал-Халила, Сивавайхи изучал грамматику у ‘Исы б. ‘Умара ас-Сакафи и Йунуса б. Хабиба (ум. 798) [GAS IX, 49],

лексикологию и лексикографию – у ал-Ахфаша Старшего и Абу Зайда ал-Ансари.

Во времена Сибавайхи можно было хорошо зарабатывать на жизнь за счет преподавания коранических наук и АЯ, однако Сибавайхи, похоже, отдавал предпочтение написанию своего грамматического трактата перед преподаванием. Возможно, этому препятствовал его иноязычный акцент, отличавшийся от произношения урожденных арабов. Думается также, что он немного владел персидским языком [Nāṣif 1953, 83–85], и если Сибавайхи действительно родился в Персии, то на его арабское произношение могло повлиять персидское. Кроме того, аз-Зубайди сообщает, что ал-Фарра' якобы говорил о том, что произношение Сибавайхи «не совсем правильное» (*lā yufsiḥ*) [Ṭabaqāt 1984, 67].

В грамматике, как считают, Сибавайхи оставил только трех учеников – Кутруба (ум. 821) [GAS IX, 65], ал-Ахфаша Среднего (ум. 830) [GAS IX, 68] и малоизвестного ан-Наши [Nassir 1993, 5].

Во время правления Харуна ар-Рашида (786–809) научные амбиции и финансовые трудности соблазнили Сибавайхи направиться в столицу халифата Багдад и уговорить первого вазира Яхью ал-Бармаки устроить встречу с ал-Киса'и. Тогда-то между ними и состоялся знаменитый словесный поединок, закончившийся поражением Сибавайхи. Некоторые средневековые авторы считают, что эта акция была заведомо запланирована с целью дискредитации куфийцами Сибавайхи и басрийцев. И хотя за этот публичный «спектакль» ал-Бармаки пожаловал Сибавайхи огромную сумму в 10 000 дирхамов, грамматист был настолько раздосадован, что принял решение навсегда покинуть Ирак. Он переселился в город Ахваз в Персии, где и скончался спустя несколько лет [Ta'riḥ XII, 198].

Несмотря на высокий научный авторитет и известность, личность Сибавайхи вызывала противоречивые чувства у современников. Его учителя, коллеги и слушатели любили и уважали его, однако были и такие, в ком он вызывал ревность и дух соперничества. Его обвиняли в неспособности говорить по-арабски столь же хорошо и правильно, как предусматривала его собственная грамматическая теория. Иногда его даже поносили как перса,

хотя ислам и декларировал равенство всех мусульман – арабов и неарабов.

«Книга». Вскоре после смерти Сибавайхи обладателем первого известного списка «Книги» стал его ученик ал-Ахфаш Средний. Многие люди знали, что Сибавайхи писал какую-то книгу, но только ал-Ахфаш имел возможность быть свидетелем этого процесса. Цитируя его, ар-Рийаши говорит: «Всякий раз, когда Сибавайхи заканчивал очередную часть «Книги», он показывал мне ее» [Inbāh 1950–1973, II, 350]. Не известно точно, когда трактат был завершен полностью, видимо, это произошло между 170 и 180 гг. хиджры (=786–796 гг.).

Вне всякого сомнения, Сибавайхи при написании книги использовал много идей и положений своего учителя ал-Халила, на которого часто ссылается. Однако нигде в «Книге» не встречаются упоминания иных источников, помимо двух произведений, приписываемых ас-Сакафи. Вместе с тем в «Книге» фигурируют имена других филологов, таких как Йунус б. Хабиб, Ахфаш Старший, ал-Асма'и и др.

Насколько значительным оказалось влияние ал-Халила на Сибавайхи, определить нелегко. Оба языковеда имели «одинаково глубокий, но принципиально различный подход к языку» [Carter 1972, 485–496]. Судя по «Kitāb al-'Ayn», ал-Халила больше интересовала структура слова и определение его границ, в то время как Сибавайхи слова интересовали, прежде всего, как компоненты предложений. При любых обстоятельствах «Книга» заслуживает самой высокой оценки, будучи первым опытом изложения единой системы арабской грамматики.

Оригинальная версия рукописи, по сообщениям средневековых источников, содержала одну тысячу авторских страниц. Об этом, в частности, упоминал Йунус б. Хабиб – один из учителей Сибавайхи. Он попросил его показать ему «Книгу» и одобрительно отозвался о ней, отметив ее оригинальность [Aḥbār 1985, 48].

«Книга» не имела ни названия, ни предисловия, ни заключительной части. Общепринято, что арабоязычные сочинения любого жанра предваряются *басмалей* и *хамдалей* – несколькими предложениями, восхваляющими Аллаха и Пророка Мухаммада. В конечной части – традиционном *колофоне* – указываются дата и место

завершения переписки, имя переписчика. Ничего подобного не содержится в «Книге», которая сразу начинается с главы, перечисляющей части речи в АЯ (*hāzā bābu mā-l-kalimu fī-l-'arabiya*). Композиционно в различных списках трактат насчитывает от 555 до 568 глав (*bāb*), имеющих название, которое раскрывает содержание главы, в пределах от фразы из трех слов до целого предложения. В одном случае в названии главы А.А. ал-Нассир насчитал 115 слов [Al-Nassir 1993, 6]. Объем глав также колеблется в значительных пределах – от четырех строк до 17 страниц.

Большая часть «Книги» посвящена вопросам синтаксиса (*naḥw wa-ṣarf*). Главным образом, в заключительной части трактата детально рассматриваются и другие аспекты – фонетика, фонология и морфология. Используемый языковой материал взят преимущественно из Корана и поэзии. В качестве примеров на грамматические правила в «Книге» цитируется 1050 стихотворных строк, а также много диалектных выражений того времени. Сибавайхи последовательно рассматривает язык Корана и поэзии как наиболее приемлемую речевую модель.

В «Книге» имеются частые ссылки на других ученых, однако имена цитируемых поэтов нередко не упоминаются. Похоже, Сибавайхи делал это намеренно, поскольку авторство некоторых стихов было спорным; существовали также анонимные или сфальсифицированные произведения [Ta'rif I, 178].

Имея «Книгу» Сибавайхи, обучающийся арабскому языку не нуждался в других источниках [Nagun 1966, 5]. Как труд по грамматике, «Книга» демонстрирует структурный подход к языку, стремление анализировать высказывания описательным способом согласно их функции. Для Сибавайхи синтаксис изначально сводится к взаимодействию двух функций, или элементов. Один из них обязательно должен выступать в качестве управляющего, другой – управляемого [Rybalkin 2007a]. Уже первая глава вводит трехчленную парадигму частей речи, ставшую впоследствии одной из базисных концепций всего арабского языкознания [Рибалкин 1999]. Сибавайхи описывает глагол как часть речи, производную от имени (существительного) и выражающую действие или состояние этого имени [Kitāb I, 12]. В

его лингвистическом анализе преобладает система двоичной классификации. Бинарный подход распространяется и на предположение, рассматриваемое Сибавайхи как взаимоотношение подлежащего (*muḩtada'*) и сказуемого (*ḩabar*), оператора (*fā'il*) и воздействуемого (*maf'ūl*). М. Картер сравнивает принцип Сибавайхи сведения высказывания к бинарным категориям с современным методом непосредственных составляющих [Carter 1973, 146].

Первое впечатление от знакомства с «Книгой» Сибавайхи – уникальность ее стиля. Местами он предельно лаконичен, подчас – невразумителен, порой требует дополнительного объяснения. Язык трактата вызывал затруднения и у современников Сибавайхи: даже его ученик ал-Ахфаш, первый, кто получил возможность ознакомиться с «Книгой», не смог понять ее до конца из-за манеры изложения. Источники сообщают, что он натолкнулся в ее тексте на столь трудное выражение, подобного которому не встречал «никогда в жизни». Известный басрийский грамматист ал-Мубаррад (825–898), к которому нередко обращались с просьбой помочь в изучении «Книги», отвечал обычно таким людям: «А вы когда-либо пытались переплыть океан?» [Fihrist 1971, 104; Bugya 1979, II, 229].

Стиль трактата указывает на то, что «Книга» была написана не для рядового пользователя, а предназначалась для ученых, уже хорошо ориентирующихся в значении ее специальной терминологии. В противном случае трудно было избежать неверного истолкования многих пассажей этого сочинения. Такое порой происходит и в новейшее время, когда язык «Книги» подвергается современной интерпретации.

А. Шааде, например, считал, что Сибавайхи использовал термин *ḩarf* в значении «буква, обозначающая согласный звук». Соответственно он рассматривал *ā, ī, ī* как «Konsonanten» [Schaade 1911, 28]. В другом месте он пишет, что Сибавайхи никогда ясно не различал обычный звуковой поток и вызываемый им звук или шум [Schaade 1911, 6]. Подобное заблуждение, видимо, вызвано двумя терминами, употребляемыми Сибавайхи, – «воздух звука и дыхания», с одной стороны, и «звук груди» – с другой [Al-Nassir 1993, 7].

Систематическое изложение грамматики Сибавайхи усматривал в первую

очередь в том, что старался неизменно выдерживать унифицированную последовательность подачи материала: сначала в названии главы кратко формулировался обсуждаемый вопрос, потом излагалось правило, затем следовали примеры, иллюстрировавшие действие этого правила. Далее приводилось аргументированное обоснование или концептуальное доказательство правомочности существования того или иного грамматического постулата, наконец — упоминались возможные варианты приложения правила и высказывалось мнение относительно степени правомочности этих вариантов: распространенный, допустимый, редкий. В современной интерпретации можно говорить о социолингвистическом подходе Сивавайхи в такой иерархической аранжировке существующих вариантов. Наиболее приемлемым из них грамматист, естественно, считал тот, который соответствует языку Корана или хиджазскому диалекту.

Грамматическая терминология «Книги» до сих пор широко используется в современном арабском языкознании, хотя, по существу, неизвестно, что из теоретического наследия того времени принадлежит Сивавайхи, а что его учителю ал-Халилу.

Ал-Фарра'. Выдающаяся фигура ранней арабской грамматики куфиец Абу Закария Яхья б. Зияд по прозвищу ал-Фарра' (761–822) ранее был известен только по высказываниям, приписываемым ему более поздними авторами. Сообщается, что, когда он умер, у его изголовья находилась «Книга» Сивавайхи.

Различные средневековые источники называют ал-Фарра' автором от 11 до 17 сочинений [E² II, 806–808; GAS VIII, 123–125; GAS IX, 131–134], Р. Бляшер перечисляет 19 его трудов [Blachère 1965, 807–808].

Филологических трактатов большого объема после ал-Фарра' не осталось, но его авторитет как языковеда достиг даже Испании. Из сочинений по грамматике АЯ изданы его труды “al-Muḏakkar wa-l-mu'annaṣ” о формах мужского и женского родов [GAS IX, 133, No 5], “al-Maqṣūr wa-tamūd” об орфографии ‘alif’a [GAS IX, 133, No 6], а также очень важный филологический комментарий к Корану “Ma‘ānī -l-Qur‘ān” [Ma‘ānī 1980; Kinberg 1996].

Ал-Фарра' обладал огромной эрудици-

ей в различных областях — фикхе, хадисах, астрономии, медицине, древнеарабской генеалогии, филологии. Именно поэтому халиф Ма'мун назначил его воспитателем своих двух сыновей. Симпатизируя учению му'тазилитов, ал-Фарра' оставался традиционалистом. В грамматике, подобно своим современникам, он активно обращался к бедуинам как к устным информантам [Blachère 1965, 807]. В некоторой степени на его воззрения оказали влияние басрийские грамматисты, но ученик ал-Фарра' Са'лаб (ум. 904) убежденно считал его основателем куфийской школы, наряду с ал-Киса' и и ар-Ру'аси.

Грамматические воззрения ал-Фарра' исследовали М. ал-Махзуми [al-Maḥzūmī 1955], Е. Бек [Beck 1946; 1946a], А. ал-Ансари [al-Anṣārī 1964], Р. Талмон [Talmon 1993], К. Девеньи [Devenyi 1991–1993], Н. Кинберг [Kinberg 1996]. Труд ал-Ансари явился первым монографическим исследованием об ал-Фарра', правда несколько перегруженным подробным рассмотрением различных аспектов жизни и деятельности филолога. Детальный анализ его грамматических методов и концепций [al-Anṣārī 1964, 351–455] представляет значительный интерес и подводит автора монографии к неожиданному выводу о том, что ал-Фарра' по-настоящему был основателем багдадской филологической школы [al-Anṣārī 1964, 352], хотя прежде большинство исследователей считали его основателем или, по меньшей мере, столпом куфийской школы [Blachère 1965].

Как продемонстрировал Н. Кинберг [Kinberg 1996, 9–23], труд ал-Фарра' “Ma‘ānī -l-Qur‘ān” имеет огромное значение для изучения АГТ, особенно для преодоления стереотипной и прямолинейной трактовки концепции грамматических школ, принятой как в автохтонных источниках, так и в исследованиях западноевропейских арабистов.

Терминология в “Ma‘ānī al-Qur‘ān” в значительной степени совпадает с терминосистемой «Книги» Сивавайхи. В большинстве случаев, когда совпадение отсутствует, филологическая традиция объясняет такую разницу отражением двух терминосистем, использовавшихся двумя соперничавшими грамматическими школами — куфийской и басрийской. В этом смысле терминология Сивавайхи пред-

ставляет басрийскую школу, в то время как термины, употребляемые ал-Фарра', характерны якобы для куфийской школы. На самом деле, как считает К. Ферстеех, трактуемые как различные термины представляют собой синонимическое выражение одних и тех же лингвистических понятий [Versteegh 1993, 12].

Наследие ал-Фарра', таким образом, в очередной раз заставляет поставить под сомнение наличие дихотомии «классических» школ в грамматике. Новейшие исследования сравнивают материал, имеющийся в “Ma‘ānī -l-Qur‘ān”, с ранними источниками, датированными II в. хиджры, и показывают, что некоторые положения разногласий между ал-Фарра' и Сивавайхи уходят корнями в источники более ранние, чем «Книга» [Talmon 1993; 1993b; 1993c]. К тому же у разных авторов «даже кажущиеся синонимами термины на самом деле совершенно различны в значении и употреблении» [Versteegh 1993, 193].

В связи со спорами по грамматическим вопросам Р. Талмон обнаруживает среди точек зрения оппонентов Сивавайхи такие, которые можно найти и в “Ma‘ānī -l-Qur‘ān”, но он вовсе не соглашается с тем, что грамматическую доктрину ал-Фарра' следует квалифицировать как куфийскую. По его мнению, она отражает теоретические достижения арабских грамматистов времени, предшествовавшего деятельности Сивавайхи [Talmon 1993, 278].

Исследуя терминологию наиболее ранних сохранившихся комментариев по Корану, К. Ферстеех пришел к выводу, что некоторые термины, встречающиеся в “Ma‘ānī al-Qur‘ān” и традиционно трактованные как куфийские, можно обнаружить у первых мусульманских экзегетов [Versteegh 1993, 193]. И хотя результаты его исследований близки к выводам Р. Талмона, К. Ферстеех по-прежнему склоняется к куфийско-басрийской дихотомии: «Если предположение о том, что куфийская грамматическая традиция связана с более ранней экзегетикой, верно, то басрийскую традицию следует понимать как значительно большее новшество, нежели мы обычно считали» [Versteegh 1993, 198].

Н. Кинберг считает, что данных, полученных Р. Талмоном и К. Ферстеехом, более чем достаточно, чтобы считать в с е грамматические положения, фигури-

рующие в трактате ал-Фарра' “Ma‘ānī -l-Qur‘ān”, отражением более древней грамматической доктрины, сложившейся еще до Сивавайхи [Kinberg 1996, 11].

Действительно, в “Ma‘ānī al-Qur‘ān” ал-Фарра' часто опровергает грамматические воззрения своего учителя ал-Киса'и (ум. 805), нередко апеллируя к более древней традиции. На это обстоятельство ранее уже обратила внимание венгерская исследовательница К. Девеньи [Dévényi 1991, 164–169]. В иных случаях, например относительно синтаксического разбора коранического пассажа [II: 48], его воззрения ближе к точкам зрения ас-Сакафи (695–735), Юнуса ибн Хабиба (708–798), ал-Халила, Сивавайхи и Абу ‘Убейды (738–828) и отличаются от анализа ал-Киса'и и *naḥwīyūna* [Kinberg 1996, 12]. Неясно, однако, подразумевал ли он под словом *naḥwīyūna* одних куфийцев. В любом случае, очевидно, что их точка зрения отличалась от Сивавайхи и его учителей. Здесь позиция ал-Фарра' близка к басрийцам, но отнюдь не отражает единой с ними доктрины.

Выводы Н. Кинберга полностью согласуются со следующим мнением К. Девеньи: «Таким образом, мне кажется, что ал-Фарра' принимает ал-Киса'и в качестве информанта и собирателя грамматического материала, в конкретном же анализе предположений он, похоже, вводит много новых индивидуальных элементов» [Dévényi 1991, 169].

Если ал-Фарра', вне всякого сомнения, отклоняется от учения своего куфийского учителя ал-Киса'и, то его позицию по отношению к другим филологам определить не так просто, поскольку в большинстве случаев он не называет никаких имен, а если и делает это, то вне полемиического контекста.

Противоречия относительно грамматического анализа существовали не только между куфийцами и басрийцами, но и среди самих басрийцев, что лишний раз свидетельствует о том, что грамматическая традиция до Сивавайхи не была единой. Так что разногласия между Сивавайхи и ал-Фарра' вовсе не означают споров между старой и новой традициями: по поводу отдельных грамматических вопросов Сивавайхи и ал-Фарра' вполне могли разделять общую точку зрения, поскольку

оба опирались на один и тот же источник. В других случаях, когда их точки зрения отличались, такое разногласие можно объяснить более ранним разногласием между двумя учителями предыдущего поколения [Kinberg 1996, 13].

Кроме того, даже тогда, когда Сивавайхи и ал-Фарра' разделяют общую точку зрения по какому-либо грамматическому вопросу, их согласие не обязательно является результатом единодушия мнений грамматистов того времени.

Ал-Фарра' отклоняет точку зрения, принятую автором "al-Ġumal". Противоречия относительно авторства "al-Ġumal" не меняют общих очертаний картины: если труд действительно восходит к ал-Халилу, то можно сделать вывод о том, что оба учителя Сивавайхи – Юнус ибн Хабиб и ал-Халил – не разделяли единой точки зрения в отношении синтаксического анализа конкретного коранического пассажа [LXXV: 4] и точку зрения первого приняли оба – Сивавайхи и ал-Фарра'.

С другой стороны, если автором трактата "al-Ġumal" был Ибн Шукайр (ум. 927) либо какой-нибудь другой куфийский грамматист, можно прийти к заключению, что ал-Фарра' не разделяет мнения, связанного с куфийской традицией, а занимает позицию, ассоциируемую с басрийской доктриной. Ни в том, ни в другом случае он не пытается отстаивать стереотипы какой-либо из «школ», оставаясь в грамматическом анализе открытым к различным подходам.

Исследуя ранние коранические комментарии, К. Ферстеех проследил 35 «нетехнических» терминов, которые на почве ТАГ развились в техническую терминологию [Versteegh 1993, 196–197]. Хотя 33 из них засвидетельствованы в "Ma'ānī -l-Qur'ān", текст трактата содержит 50 дополнительных терминов, которые не фигурируют ни в ранних комментариях, ни в «Книге» Сивавайхи (см. их полный список: [Kinberg 1996, 14]).

Если добавить к этому внушительному списку сложные термины, а также те, что употребляются в "Ma'ānī -l-Qur'ān" в ином, нежели в «Книге», значении, то число лексических единиц, присущих только терминосистеме ал-Фарра', окажется гораздо большим. Хотя отдельные из них вполне могли употреблять другие фило-

логи, экзегеты, чтецы Корана, правоведы и др., совершенно не исключается возможность того, что они явились авторскими нововведениями самого ал-Фарра'.

Аз-Заджджаджи. Известный арабский грамматист Абу ал-Касим 'Абд ар-Рахман б. Исхак аз-Заджджаджи родился в Нихаванде, в Западной Персии, во второй половине III в. хиджры (ок. 860–870). Как грамматист получил образование в Багдаде, занимался пропагандой своего учения в Дамаске и Алеппо. Датой его смерти одни источники называют 337/948 г., другие – 339–340/949–950 г. О жизни аз-Заджджаджи почти ничего не известно, но из его грамматических сочинений ясно, что он был му'тазилитом [Versteegh 1995, 36, No 20; 37, No 21]. Единственный источник упоминает о его шиитских симпатиях [Versteegh 2001, 378].

Учителя аз-Заджджаджи хорошо известны, поскольку он сам перечисляет их [Idāh 1979, 78–79]. Среди них есть как басрийцы (аз-Заджджадж, Ахфаш Младший, Ибн ас-Саррадж), так и куфийцы (Ибн Кайсан, Ибн Шукейр, Абу Бакр ибн ал-Анбари). По сути, аз-Заджджаджи не без гордости называет себя посредником между двумя грамматическими школами, заявляя, что он переформулировал аргументы куфийских грамматистов в басрийских терминах.

Главным учителем аз-Заджджаджи был аз-Заджджадж, от которого он получил свою нисбу, поскольку был связан с ним длительное время. Двумя наиболее известными учениками аз-Заджджаджи были Ахмад б. Мухаммад б. Салама Ибн Саррам и ал-Хасан б. 'Али ас-Сикилли.

Широкую известность аз-Заджджаджи принес его знаменитый трактат "Kitāb al-Ġumal" («Книга резюме»³) – дидактическое введение в грамматику АЯ [Ġumal² 1984] того типа, который стал особенно популярным в III–IV веках хиджры: подобные сочинения создали Ибн ас-Саррадж, ал-Фариси, Ибн Джинни. В "al-Ġumal" аз-Заджджаджи излагает правила арабской грамматики просто и доступно, без углубления в детали и изложения противоречивых положений. Книга стала наиболее популярным учебником в Халифате, особенно в Северной Африке, где одновременно имели хождение более 120 написанных на нее комментариев. 49 сохранились в руко-

писях до настоящего времени, некоторые из них были изданы [GAS IX, 89–94].

С теоретической точки зрения более важным и интересным представляется другое сочинение аз-Заджджаджи – “Kitāb al-Īdāh fī ‘ilal an-naḥw” («Книга объяснения грамматических причин») [Īdāh 1979]. Существует ее исследование и комментированный академический перевод на английский язык К. Ферстееха [Versteegh 1995].

Термин *‘illa(h)* в заглавии является ключевым для понимания теоретических принципов автора, однако трудным для интерпретации. В пятом разделе [Īdāh 1979, 64–66] аз-Заджджаджи утверждает, что существует три метода, или уровня, объяснения языковых фактов: «дидактический» (*‘illa(h) ta ṭimīya*), «мотивированный по аналогии» (*‘illa(h) qiyāsīya*) и «диалектический» (*‘illa(h) naẓarīya wa-ḡadalīya*). Первая категория представляет собою свод простых правил, подобно представленным в сочинении “al-Ġumal”.

Как грамматиста аз-Заджджаджи характеризует неустанный поиск причин тех или иных языковых явлений. Его изложение отличается специфическим стилем, отражающим личное отношение к полемике по грамматическим вопросам. Так, сравнив его анализ склонения имен со слабыми корневыми в двойственном и множественном числе [Īdāh 1979, 121–129] с аналогичным анализом ас-Сирафи [Š. Kitāb I, 214–223], можно увидеть, что изложение последнего лаконичное и сухое, в то время как аз-Заджджаджи пытается представить дискуссию в форме живой полемики [E² XI, 186].

Говоря о трактате “al-Īdāh”, аз-Заджджаджи утверждает, что он явился первым, кто создал книгу подобного рода. И хотя такое утверждение скорее преувеличение, введение им в лингвистическую теорию дифференциации эпистемологических уровней языковой мотивации следует считать уникальным вкладом в классическое арабское языкознание, несмотря на то что ассоциативно эта идея присутствует и в других текстах, например в комментарии ас-Сирафи на «Книгу» Сибавайхи. В отличие от “al-Ġumal”, трактат “al-Īdāh”, похоже, не оказал значительного влияния на арабскую грамматическую литературу, возможно, из-за своей уникальности. Книга сохранилась в единственной рукописи, она редко цитируется и упоминается последующими грам-

матистами, хотя пространные выдержки из нее можно встретить и в более поздних сочинениях, как, например, в «Светильнике» (“Muzhir”) ас-Суьути.

Среди прочих сохранившихся сочинений аз-Заджджаджи имеется трактат о частицах, содержащих букву *lām*, – “Kitāb al-lāmāt” [Lāmāt], книга о значениях букв “Kitāb ma‘ānī -l-ḥurūf”, реестр эпитетов Аллаха с раскрытием их этимологий “Kitāb ‘ištiqāq ‘asmā’ Allāh”, различные заметки и комментарии. Как ценный источник наиболее важным из них является сочинение о спорах между грамматистами “Kitāb al-maḡālis” [Maḡālis 1962].

Другие книги аз-Заджджаджи упоминаются только по заглавиям, но в форме рукописей не сохранились, например его “Risāla” – комментарий ко вступительным главам «Книги» Сибавайхи, умоминаемый им самим в “al-Īdāh” [Īdāh 1979, 41]. Полный перечень сочинений аз-Заджджаджи можно найти у Ф. Сезгина [GAS IX, 88–95] и К. Ферстееха [Versteegh 1995, 3–6].

Оценить однозначно вклад аз-Заджджаджи в классическое арабское языкознание сложно. С одной стороны, он прославился как автор “Kitāb al-Ġumal”, но с другой – лучшие его оригинальные идеи изложены в трактате “Kitāb al-Īdāh fī ‘ilal an-naḥw”, почти преданном забвению. Возможно, это означает, что его интерпретация арабской грамматики на основании законов логики так и не была до конца понята современниками. По сути, последующие грамматисты больше интересовались семантикой и прагматикой АЯ в отрыве от традиционных занятий морфологией и синтаксическим анализом. Видимо, поэтому у них не нашлось достаточно времени, чтобы разобраться в методологических вопросах, поднятых аз-Заджджаджи. Это относится, в частности, к таким рассматриваемым им темам, как изначальная взаимосвязь между именем, глаголом и частицей, объяснение факта отсутствия у глагола генитива, а у имени – юссива. Даже в отношении частей речи поздние грамматисты склонялись к лаконичным определениям, в то время как аз-Заджджаджи анализирует их подробно [Īdāh 1979, 48–55].

Ибн Фарис. Абу ал-Хусайн Ахмад б. Фарис б. Закарийа б. Мухаммад б. Хабиб ар-Рази известен под именем Ибн Фарис. Это был образованнейший человек свое-

го времени. Его деятельность была многосторонней – филология, поэзия, *фикх*, *тафсир*. Он создал значительное количество трудов по лексикографии, лексикологии, этимологии, грамматике и другим аспектам классического АЯ. Подавляющая часть из них посвящена наблюдениям над текстом и смыслом Корана и хадисов. Сюда же относятся и работы по принципиальным догматам и методикам мусульманской юриспруденции, рассматриваемым Ибн Фарисом, прежде всего, сквозь призму филологии.

Биографы не указывают даты рождения Ибн Фариса, кроме Ибн Фархуна, который определяет ее между 306/918 и 308/920 гг. Относительно его места рождения авторы источников придерживаются различных точек зрения. Одни считают, что он родился в Казвине [Inbāh 1950–1973, I, 94], поэтому, якобы из-за казвинского акцента, у него была нисба ал-Казвини. Другие считают, что он родом из города аз-Захра, из местности под названием Карсаф Джийанабаз⁴ [Iṛṣād 1907–1927, IV, 92; Inbāh 1950–1973, I, 94], третьи называют местом его рождения деревню Устаз Хараз под Реем, откуда Ибн Фарис получил нисбу ар-Рази. Наконец, есть и такие, кто считает, что он родом из Хамадана. Решительным образом трудно предпочесть какую-либо из этих точек зрения, особенно приняв во внимание, что в поисках знаний Ибн Фарис переменял много мест жительства. Он обучался и в Казвине, и в Багдаде, и в Хамадане, где было и обосновался, пока буидский правитель Фахруддавла не пригласил его в Рей для обучения своего сына Мадждуддавла [GAS VIII, 209]. Кроме того, Ибн Фарис был учителем знаменитого автора «Макам» Бади аз-Замана ал-Хамадани и вазира ас-Сахиба б. ‘Аббада. Еще у одного автора «Макам» – ал-Харири – идея написания своего произведения возникла под влиянием чтения труда Ибн Фариса “*Ḥilyat al-fuqahā*” («Украшение факихов») [BD I, 100–101].

О семье Ибн Фариса не известно почти ничего. Упоминается лишь, что его отец был факихом шафиитского мазхаба (толка), углубленно изучал АЯ, изящную словесность и активно участвовал в воспитании своего сына⁵. Другими учителями Ибн Фариса были видный шафиитский факих и адиб Абу ал-Хасан ал-Казвини, малоизвестный Абу Бакр Ахмад б. ал-

Хусайн ал-Хатиб и Ахмад б. Тахир б. ал-Мунаджджим – представитель знатного рода, приближенного к халифам и вазирам.

Большую часть своих произведений Ибн Фарис создал в Рее, где проживал в квартале ал-Хаммадийя. Там он и скончался в 395/1005 г. М. аш-Шувайми насчитывает 44 сочинения, принадлежащих перу Ибн Фариса [Ṣāhibī 1963, 11–17].

«Законоуложение языка». Помимо знаменитых словарей “*al-Muḡmal*”, “*al-Maqāyis*” и “*Mutaḥayyir al-alfāz*”, к важнейшим концептуальным трудам Ибн Фариса принадлежит его трактат “[*aṣ-Ṣāhibī fī*] *fiqh al-luḡa*” («Законоуложение языка»). Этот труд явился своего рода энциклопедией филологических знаний и спустя пять веков послужил прототипом и образцом для мусульманского полигистора ас-Суйути (ум. 1505) в создании итоговой энциклопедии всего Средневековья – трактата “*al-Muzhir fī ‘ulūm al-luḡa wa-‘anwā’ihā*” («Светильник наук по лексикологии, лексикографии и их разновидностям»).

Именно научный авторитет Ибн Фариса окончательно и прочно закрепил термин *fiqh al-luḡa* в АЛТ, а ныне это отдельная дисциплина современной лингвоарабистики. Дисциплина эта, в понимании Ибн Фариса, призвана была синтезировать концепции, приемы и инструментарий мусульманской юриспруденции с системой понятий и воззрений языковедческих.

Рассуждая о фактах и явлениях языка, Ибн Фарис апеллирует в первую очередь к Корану, а пользуется при этом логикой и последовательностью доказательств, применяемых в фикхе. Язык, арабское письмо, грамматическая система, в основе которой лежит концепция и‘раба, аруд и многое другое – все это, по мнению Ибн Фариса, ниспослано человечеству Аллахом, но тезис этот филолог хоть и воспринимает на веру как аксиому, все же считает нужным и обязательным разворачивать через систему аргументированных положений и выкладок из Корана. Факты языка Ибн Фарис также надежно документирует ссылками на хадисы и высказывания мусульманских авторитетов, снабжая приводимые цитаты, как это принято и в теологии, достоверными иснадами.

Исследуемый трактат Ибн Фариса рассматривает вопросы допустимых преде-

лов варьирования в «чистейшем» АЯ, разнообразие его диалектов, деривации в контексте аналогии (кыяса), конкретные положения и 'раба, приводит развернутый перечень элементов, влияющих на флексию, и т.п.

Авторское изложение любого из названных явлений преследует при этом цель лишней раз убедить «ученых, факихов, всех, кто связан знанием Корана, сунны и фетвы⁶, равно как и пожелавших приблизиться к этому знанию», серьезно изучать АЯ, без глубокого знания которого невозможно понимание истинного смысла Священного Писания, существует опасность отхода от подлинной веры.

«Законоуложение языка», как научный трактат периода расцвета арабского языкознания, воплотил в себе много типичных черт как в плане композиции, так и в смысле содержания. Трактат оперирует уже отнюдь не единой устоявшейся лингвистической терминологией, рассматривает наиболее типичные вопросы, обсуждавшиеся практически во всех произведениях арабского языкознания аналогичного типа. В качестве характерного образца подобно жанра послужит предлагаемый ниже в комментированном русском переводе начальный фрагмент этого произведения.

[29] Во имя Аллаха, Всемилостивого
Всемилосердного!

Хвала Аллаху, к Нему мы взываем о помощи, да благословит он Мухаммада и его род!

Говорит шейх Абу ал-Хусайн Ахмад б. Фарис [б. Закарийа]⁷, – да поддержит его всегда Аллах! – это – «Трактат, посвященный ас-Сахибу, о законоуложении арабского языка и законах речи арабов». Я передал ее в библиотеку почтенного ас-Сахиба⁸ (преодареннейшего из одаренных, – да наполнит Аллах его на всю жизнь знанием, благочестием, добром и справедливостью!) с признательностью и для украшения (библиотеки), поскольку преодареннейший питает слабость к знаниям и благочестию, отрицая и не принимая все дурное, и поскольку все наилучшее в настоящей нашей книге использовано и взято у него.

Я говорю: «У науки арабов существуют основы и принципы. Принципы – суть имена и качества, о которых мы говорим: «человек, лошадь, высокий, короткий», то

есть то, с чего начинается обучение. Основы – суть высказывания о предмете языка, его правилах и происхождении, о разговорном поведении арабов, о том, что в языковом искусстве непосредственно, а что иносказательно».

Отсюда и люди делятся на две категории: те, кто занимается принципами, не зная ничего другого, и те, кто объединяет и то, и другое. Это – высшая категория, поскольку она обучает речи Корана и сунны, на нее полагаются люди, рассуждения и фетвы. Жаждающий [30] высшего знания для обозначения имен длины довольствуется именем *jawil* («длинный»), – для него не беда, если он не знает имен *aṣaqqi* и *amaqqi* (в том же значении). Если же он знает – честь ему и хвала. Но ему не во вред и незнание этого, поскольку вряд ли что-либо из такого содержится в Книге Аллаха, – велико восхваление Его! – и вынуждало бы знать его. Подобного также мало в словах посланника Аллаха, – да благословит Аллах его и ниспослет мир ему, – поскольку его слова сладки и приятны. Ибо если бы он не знал обширности речи арабов, он был бы бессилен перед многими, что есть совершенного в Коране и сунне. Разве ты не слышишь, как говорит Аллах, – велико восхваление Его! – не изгоняет тех, кто взывает к Господу своему утром и вечером, желая его лицо [VI: 52] до конца аята. Этот аят объясняется как такой, в стихах которого не содержится понятия «странной» лексики, устаревших слов, а ряд других понятий, о которых пойдет речь, ты найдешь – с помощью Аллаха! – в этой нашей книге.

Разница между понятием принципов и понятием основ заключается в том, что когда человека, характеризующегося светским знанием (*'adab*), спрашивают о *джазме*⁹ или *масвиде*¹⁰ в траговке *nūn'a*, то он затрудняется ответить на это либо не знает этого, – ему постоянно недостает знания, имеющегося у ученых, поскольку речь арабов более чем несметна. А если ему задают вопрос: «Разговаривают ли арабы в отрицании о том, о чем они не разговаривают в утверждении?» – он и тут не знает этого из-за отсутствия подобного в законоположении адаба, потому что это сражает его веру и побуждает его к греху, подобно тому, как отличающийся знанием связей речи на вопрос сказавшего слова (в

размере *ṭawīl*):

“*Lahinnaki min ‘absiyyatin lawasīmatun ‘Alā hanāwātin kāzībun man yaqūluha*” –, остановится, или подумает, или попросит отсрочки, для того чтобы узнать, есть ли это у людей таланта хоть в какой-то мере. Однако если ему будет сказано вместо *lahinnaki* («подлинно твоя вещь», ж.р.), каков будет корень клятвы? Сколько в нем харфов? Или же какие пять букв подобны глаголам, после которых имя стоит в *naṣb*’е (винительном падеже. – В.Р.), а *ḥābar* (именное сказуемое. – В.Р.) – в *raf*’е (именительном падеже. – В.Р.)? Не следует осуждать его за то, что он никогда не отличается искусством *naḥw*’а. Таково указанное разделение.

То, что мы собрали в этом нашем сочинении, разделено на категории произведений предшествующих ученых, да ниспошлет им Аллах Свое благословение и воздаст им наилучшим образом! Мы же представляем упрощенное сокращение, или сокращенное изложение, или же объяснение неясного, или свод разнообразного.

ГЛАВА, рассказывающая о языке арабов. Ниспослание или всеобщая договоренность?

Я говорю: «Язык арабов – ниспослание, свидетельством чего являются Его слова, – велика хвала Ему, – и научил Он человека всем именам» [III: 31]. Ибн ‘Аббас некогда говорил: «Он научил его всем именам, суть тем именам, которые известны всем людям, как-то: “животное, земля, равнина, (верблюд), осел” и т.п.».

Хусайф¹¹ рассказал о том, как Муджахид¹² сказал: «Он научил его каждой вещи». Другие люди говорят: «Все же он научил его именам ангелов». Есть также такие, которые говорят: «Он научил именам все свое потомство»¹³.

Мы склоняемся к тому, что мы упомянули об Ибн ‘Аббасе. Будь то иначе, рассказчик не сказал бы: «Затем *‘arāḍahunna* или *‘arāḍahā*»¹⁴. Когда он сказал: *‘arāḍahum*, ему было известно, что это касается знатных лиц рода Адама или ангелов, поскольку предмет названия в языке арабов таков, что на то, что надделено разумом, говорят *‘arāḍahum*, а на то, что нет, – *‘arāḍahā* или *‘arāḍahunna*. Ему сказали: «Но ведь он сказал именно так. Воистину Аллах всезнающ, поскольку он объединил вместе то, что надделено разумом, и то, что не на-

делено, отдав предпочтение надделенному разумом. Таков один из обычаев арабов (я имею в виду главу преобладания). Примером служит высказывание Того, высоко восхваление которого: «Аллах сотворил из воды всякую живность. Среди нее есть такая, что ползает на животе, такая – что передвигается на двух ногах, и такая, что на четырех. (Аллах говорит, что пожелает. Воистину Аллах всемогущ)» [XIV: 45]. Он сказал «среди нее» (*min-hum*), отдав предпочтение тому, что ходит на двух ногах, а это – сыновья Адама.

А когда он говорит: «А разве вы говорите, что в нашей речи *ṣayf*, *ḥusām*, *‘aḍb* («меч») и прочие из качеств¹⁵ – суть ниспослания, вплоть до того, что в ней нет совершенно ничего, о чем бы все договорились?» Ему отвечают: «Именно так мы и говорим. Свидетельством правильности того, на чем мы настаиваем, является *‘iḡmā’* (единодушие во мнении) ученых в приведении в качестве доказательства языка людей в отношении того, в чем у них существуют разногласия в употреблении, и того, в чем есть согласие, далее – [таким свидетельством являются] их стихи. Если бы язык был установлен или образован по общей договоренности, у них (ученых. – В.Р.) не было бы этого доказательства – лучшего, нежели наше.

Мыслитель, видимо, считает, что язык, который, как мы показали, ниспослан, появился сразу целиком в одно время. Однако это не так. Аллах – Всемогущий и Великий – ниспослал Адаму – мир ему! – то, чему пожелал бы обучить его, и то, в знании чего он в то время нуждался. Затем он (Адам) распространил то, чего пожелал Аллах. После этого Адам – мир ему! – научил из арабов пророков, – да благословит его Аллах! – одного пророка за другим тому, чему пожелал Аллах научить их, пока дело не дошло до пророка Мухаммада – да благословит его Аллах и ниспошлет мир ему! Всемогущий и великий Аллах дал ему [из знаний] полностью то, чего не давал до него никому – лучшее из имеющегося в языке. Затем дело успокоилось, и мы не знаем того языка, который имел место потом. Вот поэтому и появились критикующие науку, отвергающие и не принимающие ее.

Как стало известно через Абу ал-Асвада, что какой-то человек говорил о чем-то, что

Абу ал-Асвад отрицал. Абу ал-Асвад спросил его об этом, и тот ответил: «Это – язык, который до тебя не дошел». Он сказал ему: «О сын моего брата! Воистину нет добра в том, что до тебя не дошло». И он объяснил ему любезно, что все, о чем тот говорил, – выдумка.

Другая особенность: до нас не дошло то, что люди из арабов в близкое к нам время пришли к единому мнению относительно названия какой-либо вещи по взаимному согласию; исходя из этого, мы доказываем, что взаимное согласие имело место до них. К тому же у сподвижников Мухаммада – да будет доволен ими Аллах! – красноречивых и говорящих ясно – было в видении и благородных науках то, в чем нет тайны. Мы не знаем о них того, чтобы они взаимно договорились об изобретении языка или создании какого-нибудь слова, которого до них не было. Известно, что события мира происходят только с его истечением (прекращаются только с его гибелью). Именно во всем этом – доказательство правильности того, о чем мы утверждаем в настоящей главе.

ГЛАВА, рассказывающая об арабском письме и первом, кто писал на нем

[34] Передают, что первым, кто написал арабскую и сирийскую книгу, и вообще все книги, был Адам – мир ему! – перед смертью в 300 году. Написал он их на глине, которую затем обжег. А после того как землю постиг потоп, каждый народ нашел Книгу и записал ее. Исма'илу – мир ему! – досталась арабская книга. Ибн 'Аббас говорил: «Первым, кто написал арабскую книгу, был Исма'ил, мир ему! Он написал ее своим словом и речью».

Сообщения по этому вопросу многочисленны и разнообразны. Мы в этой связи говорим: «Арабская письменность ниспослана [свыше]». Это очевидно из сказанного Им – Великим и Всемогущим – «читай: во имя Господа твоего, Который сотворил. Сотворил человека из сгустка. Читай: Господь твой Благородный. Он научил при помощи калама. Научил человека тому, чего он не знал» [XCVI: 1–5]. Тот, велико восхваление которого, сказал: «...калам и то, что пишется» [LXVIII: 1]. Если это было так, то он мог и ниспослать Адаму – мир ему! – или другому из пророков – мир им! – Книгу. Что же касается того, чтобы он придумал ее сам, то верность

этого можно подтвердить только путем правильного сообщения.

Люди утверждают, что чистокровные арабы не знали этих букв по названиям и что они не знали ни *naḥw*'a¹⁶, ни *i'rāb*'a¹⁷, ни *raf*'a¹⁸, ни *naṣb*'a¹⁹, ни *hamz*'a²⁰.

Говорят, что свидетельством этому является рассказ кое-кого из них о неких бедуинах. Одного из них спросили: «Произносишь ли ты имя Исра'иль с хамзой?» Он ответил: «Если это человек, то нет!» Они говорят, что он так ответил потому, что не знал, что *hamz* – это только сжатие и давление. Другого спросили: «Ставишь ли ты в родительном падеже имя *Filasjīn*?» Он спросил в ответ: «Я, таким образом, по истине силен?» Некоторые красноречивые арабы слышали, как декламируется (размер раджаз):

«*Naḥnu banī 'alqamata—l-aḥyārā*»

(Мы – сыновья наилучшего колоквинта²¹).

Его спросили: «Почему ты поставил в винительном падеже слово *banī*?» Он ответил: «Я не ставил его в винительном падеже». Это потому что о *naṣb*'e он знал только то, что это подпорка для чего-нибудь. Говорят, что ал-Ахфаш²² рассказал об одном чистокровном бедуине, которого попросили продекламировать касыду на *dāl*. Тот спросил: «А что такое *dāl*?» Рассказывают также, что Абу Хаййу ан-Нумейри²³ попросили продекламировать касыду на *kāf*. Он сказал (размер вафир):

«*Kafā bi-n-na'yi min 'asmā'i kāfi
Wa-laysa li-suqmihā 'iz ṭāla šāfi*»²⁴.

Мы говорим: «Причина этого – разногласие в том, чего придерживаются эти люди». Наша точка зрения по этому вопросу – ниспосланность. Мы говорим: «Названия этих букв входят в названия букв, которым обучил Аллах, – велико восхваление его! – он обучил им Адама – мир ему!»

Великий и Всемогущий сказал: «Он научил его ясности» [LV: 4]. А что есть основой ясности, если не знание букв, при помощи которых ясность достигается? И почему тот, кто научил Адама – мир ему! – всем именам, не мог научить его [также и буквам] *'alif*, *bā*, *ḡīm* и *dāl*?

Что же касается тех из кочевых арабов, о которых рассказывают, что они не знали о *hamz*'e, *ḡarr*'e, [буквах] *kāf* и *dāl*, то мы и не утверждаем, что все арабы – оседлые

и кочевники – знали все письмо и все буквы. Ибо кто такие арабы в древности, если не мы же сегодня: ведь не каждый умеет читать и писать. Абу Хаййа умел; возможно, и задолго до него были такие, кто умел писать и читать. Среди сподвижников пророка Аллаха – да благословит их Аллах и да ниспослет мир им – были писцы, среди которых – эмир правоверных ‘Али²⁵ – благословения Аллаха ему, – ‘Усман²⁶, Зайд²⁷ и другие. Абу ал-Хасан ‘Али б. Ибрахим ал-Каттан²⁸ рассказал мне: «‘Али б. ‘Абдал’азиз²⁹ сообщил нам от Абу ‘Убейда³⁰, сказавшего: «Ибн Махди³¹ рассказал нам от Ибн Мубарака³², который рассказал: «Рассказал мне Абу Ва’иль – шейх из жителей Йемена – от Хани³³, который сказал: «Я находился в [племени] ‘Усман, и они показывали рукописные экземпляры Корана. Он послал меня с бараньей лопаткой к Абу б. Ка’абу³⁴, на которой было написано: “*lam yatasanna*”³⁵, “*fa-amhil al-kāfirin*”³⁶ и “*lā tabdīla li-l-ḥalqī*”³⁷. Он говорит, что тот потребовал чернильницу, вычеркнул один из двух *lām*ов и написал *li-ḥalqī-l-lāh*, перечеркнул *fa-’mhil*, написав *mahhil* и написав *yastannah*, добавив букву *hā*’. Так неужели Абу Хаййа не умел писать, как доказывают эти “знатоки”?»

То, что мы говорим о *ḥarf*’ах, касается нашего высказывания об *i’rāb*’е и *’arūd*’е. Свидетельством правильности этого является то, что люди, вероятно, обсуждали *i’rāb*, о чем мы можем узнать, изучив начало касыды ал-Хутай’и³⁸ (усеченный *kāmīl*):

«*Ṣāqatka ’aẓ’ānun li-laylā dūna nāziratin bawākīru*».

Мы видим, что все ее рифмы [достигаются] скандированием, а *i’rāb* получается постановкой в *raf*’. Если бы ал-Хутей’а не знал об этом, он не уподобил бы с *i’rāb*’ом то, с чем не согласен, а подобное совпадение в одной огласовке вряд ли могло получиться неосознанно.

Рассказчик говорит: сообщения о том, что именно Абу ал-Асвад явился первым, кто положил начало арабскому [языку], избилуют. Ал-Халил же явился первым, кто говорил об *’arūd*’е. Ему сказали: “Мы этого не отрицаем, но говорим, что эти две науки существовали давно; с тех пор прошло много времени, и у людей осталось мало сведений о них, но затем их обновили эти два знатока языка. Наше знание

о значении *i’rāb*’а продвинулось вперед. Доказательством же того, что и *’arūd* был известен, является общее мнение ученых людей о том, что, когда язычники услышали Коран, они сказали (или же кто-то из них сказал): это – поэзия. Ал-Валид б. ал-Мугира³⁹, возражая им, сказал: «Я проповедовал скандировать то, что читает Мухаммад, в ритме поэзии, напевая и декламируя так и эдак, но не нашел, что это хоть как-нибудь было бы похоже на нее». Говорит ли это о том, что этот ал-Валид не знал поэтических размеров? Люди утверждают, что науки существовали и в старые, античные времена, и что они были изучены и обновлены в близкое к нам время, и что они переводились и передавались, переходя из языка в язык. Если бы это было не так, эти науки, благодаря помощи Аллаха, были бы отвергнуты у нас.

Он говорит: мы слышали, что вы говорите, что арабы, например, не употребляют две согласных в слове, начинающемся с двух согласных, и не останавливаются на гласной. Они называют одно лицо многими именами и объединяют многие вещи под одним именем. Мы сказали: «Мы говорим, что арабы делают так, подчеркнув, что это – ниспослание, вплоть до того, что речь идет о первом ниспославшем. Свидетельством того, что предки из числа сподвижников Мухаммада и другие люди знали арабский [язык], является то, что они создали рукописный список Корана, по которому грамматисты объясняют [слова] с *wāw*’ом, *yā*’, *hamz*’ом, долготой и краткостью. [При наличии в словах соответствующих букв] они пишут их с *wāw*’ом, *yā*’, не ставят подставку под хамзу после сукуна, например: *ḥab*’, *dif*’, *mal*’⁴⁰. Это все стало столь сильным аргументом, что даже те из ученых, кто не желал следовать Корану, отказались от этого и стали ему следовать. Так, ‘Абдаррахман б. Хамадан рассказал мне от Мухаммада б. Джахма ас-Симмари⁴¹, от ал-Фарра’, что тот сказал: «Найдя в Коране выражение речи арабов и чтения чтецов, я больше полюбил следовать ему, а не противиться». Он сказал: «Абу ‘Амр б. ал-‘Ала обычно читал: *’inna ḥāzayni la-sāḥirāni*”⁴², а я на такое не осмеливался. Он читал: *fa-’aṣṣaddaqa wa-’akūna*”⁴³, и он добавил в “Книге” *wāw*, а мне [40] это не нравится. То, что сказал ал-Фарра’, он одобрил, но не одобрил того, что сказал Ибн

Кутайба: «Переписчики Корана по этому вопросу вступили в противоречия».

*ГЛАВА, рассказывающая о том, что язык арабов наилучший из языков и самый богатый из них*⁴⁴

Аллах сказал – велико восхваление Его! – «Воистину, это – ниспослание Господа миров. Снизшел с ним дух верный на твое сердце, чтобы оказаться тебе из числа увещающих на языке арабском, ясном»⁴⁵.

И охарактеризовал Тот, велико восхваление которого, этот язык самым совершенным, чем только можно описать речь, – ясностью. Тот, велико восхваление которого, сказал также: «Сотворил человека и научил его изъясняться» [LV: 2(3)–3(4)]. Вначале Тот, велико восхваление которого, упомянул ясность перед всем, что объединено Его созданием и выделяется его основанием, – солнцем, луной, звездами, деревьями и другими совершенными творениями, искусно сделанными произведениями. Наделив арабский язык определением «ясность», Тот, велико восхваление которого, знал, что прочие языки не обладали этим качеством и пребывали ниже него.

Говоря, что «ясность» применима только в приложении к арабскому языку, рассказчик подразумевал то, что всякий, кто поймет правила арабской речи, достигнет ясности. Имеется в виду, что едва ли без арабского языка говорящий смог бы выразить свою мысль так, чтобы слушающий смог понять его намерение. Это низшая степень ясности, поскольку самое большое, что может сделать немой для выражения своего пожелания, – использовать жесты и движения. Но он уже не будет называться говорящим, тем более говорящим ясно и красноречиво.

Если ты считаешь, что прочим языкам присуща ясность языка арабского, ты ошибаешься. Ведь, если нам будет нужно упомянуть о мече и его качествах на персидском языке, мы будем иметь для этого только одно имя. По-арабски же мы называем «меч» многими именами. То же относится и ко льву, и к лошади, и к другим вещам, имеющим много названий и называемым синонимами. А где имеется подобное в других языках? Где у них та широта, которой обладает язык арабский? И все это – не секрет для разумного человека... [Ṣāhibī 1963, 40; Muzhir 1987, I, 322].

«Книгу» Сивавайхи традиционно относят к древнейшим арабским трактатам,

сохранившимся до наших дней. Труд этот сегодня хорошо исследован в национальном и западноевропейском языковедении. Однако в области арабской филологии до и одновременно с Сивавайхи действовало, по меньшей мере, два десятка его предшественников и современников – представителей так называемой басрийской филологической школы [GAS IX, 31–69], – научная продукция которых, бесспорно, не могла быть неизвестной автору «Книги».

Утраченные звенья некогда целостной цепи этого интеллектуального продукта продолжают обнаруживаются и сегодня. Они вводятся в научный обиход в виде новых критических изданий сочинений. Ранее неизвестный материал заставляет нередко по-новому взглянуть на некоторые аспекты классического арабского языкознания, а подчас и пересмотреть отдельные устоявшиеся догмы.

Такова ситуация с наследием ал-Халила, объем и влияние которого на арабское языкознание в лингвоарабистике прежде явно недооценивались. Его мощное влияние обнаруживается не только в «Книге» Сивавайхи, но и в сочинениях Ибн Джинни, в текстах которого нередко угадываются целые пассажи из разработок ал-Халила [Рыбалкин 2000].

Традиционное представление о существовании «классических» школ в грамматике в значительной степени начинает подвергаться разрушению при ближайшем исследовании теоретического наследия таких творцов грамматической традиции, как ал-Фарра' и аз-Заджджаджи.

Интерес Ибн Фариса уже распространяется не только на систему и структуру языка, но и на его функцию и статус в обществе. Его попытка систематизировать все данные о языке – интралингвистические и экстралингвистические – представляется новаторской и весьма успешной: постулаты Ибн Фариса активно использовал тот же его современник Ибн Джинни, живший совсем в другой части Халифата.

В статье представлена оценка вклада в арабское языкознание только нескольких его ярчайших представителей. Однако, даже ограничившись общим знакомством с их языковедческими воззрениями, можно в основных чертах воссоздать картину формирования арабской грамматической традиции.

¹ Вазир во времена халифов ал-Му'тасима (833–842) и ал-Васика (842–847), известный также под именем Ибн аз-Заййат. Следующий халиф ал-Мутаваккил казнил его в первый же год своего правления (847).

² *Кунья* – прозвище, даваемое в знак уважения по имени старшего сына, дочери или любого другого имени, находящегося в родственном отношении к именуемому. Вводится выражением «Абу (отец) такого-то».

³ Как и в случае с одноименным сочинением ал-Халила, термин *ġumal* (ед.ч. *ġumla*) в названии книги употреблен не в его обычном значении «предложение». Вместе с тем смысл, вкладываемый в него аз-Заджджаджи, отличается от того, что подразумевал ал-Халил. С трудностью его перевода на английский язык столкнулся и К. Ферстеех, предложивший компромиссный вариант “summary, résumé” [Versteegh 1995, 3].

⁴ Географические источники, впрочем, этих двух мест не упоминают.

⁵ В качестве источника отец Ибн Фариса упоминается дважды в “*Fiqh al-luġa*”.

⁶ *Фетва* (ар. *fatwā* «разъяснение») – богословско-правовое заключение, сделанное для разъяснения и практического применения какого-либо предписания шариата или истолкования какого-либо казуса с позиций шариата [Ислам 1991, 252].

⁷ Добавление из другого списка.

⁸ Он – Абу ал-Касим Исмаил б. ‘Аббад по прозвищу ас-Сахиб.

⁹ *Ġazm* – постановка глагола в усеченном положении.

¹⁰ Видимо, ошибка или описка. Нужно – *tašdīd* («усиление»), грам. *ташди́д*.

¹¹ В некоторых рукописях Хусайф, с ħ без точки (*ħ*). Правильно же ħ с точкой (*ḥ*). Речь идет об Абу ‘Авне Хусайфе б. Абдаррахмане ал-Хазари [Tahdīb III, 143].

¹² Абу ад-Хафаджи Муджахид б. Джабар (или Джубайр) ал-Макки ал-Курайши – известный последователь Ибн ‘Аббада, в особенности по передаче преданий. Умер в 103/721–722 г. [Ma‘ārif 1850, 196; Yāqūt XXVII, 77; Ṭabaqāt al-Farrā’ 1984, II, 41].

¹³ О других точках зрения см.: [Muzhir 1987, I, 128], а также примечания издателя № 3 на с. 32].

¹⁴ В книге “*Ma‘ānī al-Qur’ān*” («Смыслы Корана») ал-Фарра’ говорит: “*wa-hiya fi ḥarf ‘Abdillah ‘arādahunna wa-fi ḥarf Ubayya ‘arādahā*”.

¹⁵ *Husām* – от *ḥasama* «резать, отделять, отрезать»; *‘adb* «острый» – прилагательное качества.

¹⁶ *Naḥw* – «направление, азимут», отсюда – «грамматика», или уже «синтаксис».

¹⁷ *I’rāb* – «ясный, чистый арабский выговор», то есть с изменениями конечной гласной, выходящей в именах падежи, а в глаголах – наклонение; флексия.

¹⁸ *Raf’* – постановка имени в именительный падеж или глагола в изъявительное наклонение.

¹⁹ *Naṣb* – постановка имени в винительный падеж, глагольной формы – в сослагательное наклонение.

²⁰ *Hamz* – постановка хамзы, произношение хамзы.

²¹ Название вида горькой травы.

²² Ахфаш – ар.: «имеющий маленькие глаза и слабое зрение». Этим лакабом называли нескольких разных филологов – лексикографов и грамматистов. Здесь неясно, идет ли речь об Ахфаше Старшем – Абу ал-Хаттабе Абдальхалиде б. Абдальмаджиде – одном из учителей Сибавайхи, известном полемисте в вопросах *i’rāb* ‘a, или имеется в виду Ахфаш Средний, то есть Са’ид б. Мас’ада – ученик Сибавайхи, умерший в 215/830–31 г.

²³ Абу Хаййа ан-Нумейри – это ал-Хайсам б. ар-Раби’ ан-Нумайри ал-Амири ал-Кайси, один из передатчиков Фараздака, обвинявшийся во лжи [Šu‘arā’ II, 749; Aġānī XV, 61; Ḥizāna IV, 283 и др.].

²⁴ Бейт и хабар имеются в «Лисане»; сам бейт относится к числу шахидов «Муфассаля» аз-Замахшари (см. с. 220) и является началом касыды из дивана Башара б. Аби Хазима ал-’Асади (с. 142).

²⁵ Али б. Аби Талиб (ум. 661) – двоюродный брат и зять Пророка Мухаммада, четвертый праведный халиф [Ислам 1991, 18].

²⁶ ‘Усман б. ‘Аффан б. Аби ал-‘Ас б. Умеййа б. Абдашшамс ал-Курейши (ок. 575–656) – третий праведный халиф. Богатый мекканский купец из рода *умаййа*, один из первых последователей Мухаммада, женился на его дочери (ок. 610) [Ислам 1991, 242].

²⁷ Зайд б. Сабит (ок. 615 – ок. 665) – секретарь-писец Мухаммада, составитель письменного текста Корана. Ясрибец из племени *хазрадж*. Еще до переселения Мухаммада в Ясриб (позже – г. Медина) знал наизусть несколько сур Корана. Став писцом Мухаммада, записывал некоторые его «откровения», вел его переписку. Писал по-сирийски, знал арамейский и, возможно, древнееврейский языки. После смерти Мухаммада составил первый письменный текст Корана [Ислам 1991, 73].

- ²⁸ Абу ал-Хасан Али б. Ибрахим ал-Каттан (868–956) – один из учителей Ибн Фариса, разносторонний филолог и шафиитский факих [Iršād 1907–1927, XII, 218].
- ²⁹ Абу ал-Хасан б. ‘Абдалъ‘азиз (ум. 900) – лексиколог и лексикограф, хадисовед [Iršād 1907–1927, XI, 11].
- ³⁰ Абу ‘Убайд ал-Касим б. Саллам (770–838) – видный лексиколог и грамматист, автор словаря “Al-Ṣarḥ al-muṣṭafā” (см. гл. 6) [GAS VIII, 81–87].
- ³¹ Абу Джа‘фар б. Махди ал-Исфахани [Taḥkīrā II, 157].
- ³² Абдаллах б. Мубарак б. Вадих ал-Марвази (736–797) – хадисовед и факих [A‘lām II, 775].
- ³³ Абу Барда Хани’ б. Найфар [Ma‘ārif 1859, 149, 286].
- ³⁴ Ум. в 649 г. Автор откровений, у которого был свой список Корана [A‘lām I, 28].
- ³⁵ «И посмотри на твою пищу, и питье оно не испортилось» [II: 261 (259)].
- ³⁶ «Дай же отсрочку неверным, отсрочь им немного» [LXXXVI: 17].
- ³⁷ «Нет изменений в творении Аллаха» [XXX: 29(30)]. Во всех трех отрывках фрагменты незначительно отличаются от текста Корана. – В.Р.
- ³⁸ Ал-Хутай‘а (ар. «карлик») – лакаб. Полное имя: Джарвал б. Авс ал-‘Абаси ал-Кайси. Родился ок. 600 г., ок. 630 г. принял ислам, потом вернулся в язычество, в чем вскоре раскаялся. В глазах мусульман, однако, оставался недостаточно правоверным. Мастер поэтического жанра хиджа [Фильштинский 1985, 109].
- ³⁹ Одно из влиятельных лиц во времена джахилийи. Курайшит из ветви махзум, который был заклятым врагом Мухаммада. Первым снял сандалии, входя в Каабу [Ma‘ārif 1850, 551; Dā‘irat al-ma‘ārif al-islāmīya IV, 1171].
- ⁴⁰ Ар. слова, означающие «скрытое» [XXVII: 25], «согревание» [XVI: 5] и «наполнение» [III: 85(91)]. Слово *mal*’ Ибн Фарис дает с фатхой у K_1 , что нигде не встречается в Коране, где: *mil*’ – с кясрой у K_1 . – В.Р.
- ⁴¹ Нисба восходит к названию города Симмар между Басрой и Васитом. Речь идет грамматисте Абу Абдаллахе Мухаммаде б. ал-Джахаме [Iršād 1907–1927, VIII, 109; Inbāh 1950–1973, III, 88].
- ⁴² ‘In hāzāni la-sāhirāni («это два волхва») [XX: 66(63)].
- ⁴³ Fa-‘aṣṣaddaqa wa-‘akun («я стал бы подавать милостыню, и я был бы...») [LXIII: 10].
- ⁴⁴ Ас-Суйути включил эту главу в 22-й *naw’* «Музхира» («Особенности языка») [Muzhir 1987, I, 321 и далее].
- ⁴⁵ XXVI: 192–195.

ЛИТЕРАТУРА

- Ислам. Энциклопедический словарь. Москва, 1991.
- Рибалкин В.С. Трикомпонентна парадигма та теорія керування в традиційній арабській граматиці // Східний світ, 1999 № 1–2, (Etymon).
- Рибалкин В.С. Ал-Халілі ібн Ахмад // Сходознавство. Київ, 2000. № 9–10.
- Рыбалкин В.С. Жизнь и научное наследие Ибн Джинни // Сходознавство. № 11–12, Київ, 2000.
- Фильштинский И.М. История арабской литературы. V – начало X века. Москва, 1985.
- Aḥbār. *As-Sirāfi*, Abū Sa‘īd al-Hasan b. ‘Abdallah. Aḥbār an-naḥwiyyīn al-baṣriyyīn / Ṭahqīq d.M.I.al-Bannā’. Ṭab‘a 1. Al-Qāhira: Dār al-‘Iṣṣām, 1985.
- Al-Anṣārī A.M. Abū Zakāriya al-Farrā’ wa-manḥaḡuhu fī -n-naḥw wa-l-luḡa. Al-Qāhira, 1964.*
- Al-Maḥzūmī M. Madrasat al-Kūfa wa-manḥaḡu-hā fī dirāsāt al-luḡa wa-n-naḥw. Baḡdād, 1955.*
- Al-Nassir A.A. Sibawayh the Phonologist. A critical Study of the phonetical and phonological theory of Sibawayh as presented in his treatise “Al-Kitāb”. London & N.Y.: Kegan Paul International, 1993. (Library of Arabic Linguistics Monograph No 10).*
- As-Sayyid Y.B. Nuṣūṣ fī -n-naḥw al-‘arabi min al-qarn aṣ-ṣānī ilā -r-rābi’. Ğ. I. Bayrūt: Dār an-Nahḍa, 1984.*
- BD. Ibn Khallikan’s Biographical dictionary. Translated from the Arabic by Mac Guckin de Slane. Vol. 1. Paris, 1843.
- Beck E. ‘Arabiyya, Sunna und ‘Ammā in der Koranlesung des zweiten Jahrhunderts // Orientalia. 1946. No 15.
- Beck E. Die Partikel ‘idān bei al-Farrā’ und Sibawaih // Orientalia, 1946a, No 25.
- Blachère R. Al-Farrā’ // EI². Vol. II. 1965.
- Buḡya. *As-Suyūṭī. Buḡyat al-wu‘āt fī ṭabaqāt al-luḡawiyīn wa-n-nuḥāt / Ṭahqīq Abī al-Fadl Ibrāhīm. Ṭab‘a 2. Ğ. 1–2. Al-Qāhira: Dār al-fikr, 1399/1979.*
- Carter M.G. An Arabic Grammarian of the Eighth Century A.D. // JAOS. 1973. No 93.
- Carter M.G. Twenty Dirhams in the «Kitāb» of Sībawayh // BSOAS. 1972. No 35.

- Devenyi K.* Al-Farrā' and al-Kisā'i. References to Grammarians and Qur'an Readers in the *Ma'ānī -l-Qur'ān* of al-Farrā' // *Arabist*. 1991. Vol. 3-4.
- Devenyi K.* Al-Farrā's *Ma'ānī -l-Qur'ān*: Index of Qur'anic References // *Arabist*. 1992. Vol. 5.
- Devenyi K.* Lexical Index to al-Farrā's *Ma'ānī -l-Qur'ān* // *Arabist*. 1993. Vol. 6-7.
- EI – Encyclopaedia of Islam. Old English ed. 4 vols. Leiden; London, 1913–1934.
- EI² – Encyclopaedia of Islam. New ed. 11 vols. Leiden; London, 1960–2002.
- Fihrist. Ibn an-Nadīm. Kitāb al-Fihrist.* Teherān, 1971.
- GAS – Sezgin F.* Geschichte des arabischen Schrifttums. B-de I–IX. Leiden, 1967–1984.
- Ġumal. Az-Zaġġaġī, Abū -l-Qāsim. Kitāb al-Ġumal fī -n-nahw / Tahqīq 'Alī -l-Ĥamad.* Irbid: Dār al-'amal wa-Bayrūt: Mu'assat ar-Risāla, 1984.
- Hārūn 'A. Kitāb Sibawayhi / Tahqīq wa-murāġa'a.* 2 mġ. Al-Qāhira, 1966–1968.
- Īdāh. Az-Zaġġaġī, Abū -l-Qāsim 'Abdarrahmān b. Ishāq. Al-Īdāh fī 'ilal an-nahw / Tahqīq M.al-Mubārak. Ṭab'a 2.* Bayrūt, 1979.
- Inbāh. Al-Qifī, Abū -l-Ḥasan 'Alī b. Yūsuf b. Ibrāhīm. Inbāh ar-ruwāt fī tanbīh an-nuḥāt / Tahqīq M. Abū -l-Fadl Ibrāhīm. Ġ.1-4.* Al-Qāhira, 1950–1973.
- Iršād. Yāqūt al-Ḥamawī. Iršād al-arīb ilā ma'rifat al-adīb / Ed. D.S. Margoliouth.* Vols. I–VII. Leiden; London, 1907–1927.
- Kinberg N.* A Lexicon of al-Farrā's Terminology in his Qur'an Commentary. Leiden: Brill, 1996.
- Kitāb. Sibawayhi.* Le livre de Sibawaihi: Traite de grammaire arabe... / Ed. H. Derenbourg. Vol. I, II. Paris, 1881–1889. (Перевзд.: Hildesheim, 1970).
- Kitāb. Sibawayhi.* Kitāb 'alam al-'lām imām kull imām... al-mulaqqab Sibawayhi. Ġ. 1–2. Būlāq, 1317 H. (Перевзд.: Baġdād, 1965).
- Lāmāt. Az-Zaġġaġī, Abū -l-Qāsim 'Abdarrahmān b. Ishāq. Kitāb al-lāmāt / Tahqīq M. al-Mubārak.* Dimašq, 1969.
- Ma'ānī. Al-Farrā', Abū Zakariyyā Yahyā b. Ziyād. Ma'ānī -l-Qur'ān / Tahqīq A. Yūsuf Naġātī, M. 'Alī an-Naġġār wa-'Abd al-Fattāh Ismā'il Šalabī.* Al-Qāhira, 1955–1972; Ṭab'a 2. Bayrūt: 'Ālam al-kutub, 1980.
- Ma'arif. Ibn Qutayba. Kitāb al-Ma'arif / Hsg. v. F. Wüstenfeld.* Göttingen, 1850.
- Maġālis. Az-Zaġġaġī, Abū -l-Qāsim 'Abdarrahmān b. Ishāq. Kitāb al-maġālis / Tahqīq 'A.M. Hārūn.* Kuwayt, 1962.
- Marātīb. Abū-ṭ-Ṭayyib, 'Abd ar-Rahmān b. 'Alī al-Luġawī. Marātīb an-nahwiyyīn / Tahqīq M. Abū -l-Fadl Ibrāhīm.* Al-Qāhira: Dār an-Nahda, 1954.
- Mu'ġam. Yāqūt al-Ḥamawī. Mu'ġam al-'udabā'. Al-Qāhira, 1923.*
- Muzhir. As-Suyūfī. Al-Muzhir fī 'ulūm al-luġa wa-'anwā'i-hā / Tahqīq Muḥammad Ġār wa-Abī -l-Fadl Ibrāhīm wa-'Alī Muḥammad al-Baġāwī. Ġ. 1–2.* Šaydā-Bayrūt: al-Maktaba al-'ašrīya, 1987.
- Nāšif 'A.A. Sibawaihi imām an-nuḥāh.* Al-Qāhira: Maṭba'at al-bayān al-'arabī, 1953.
- Rybalkin Valeriy S.* The Linguistic Legacy of al-Ḥalil ibn Ahmad // *Arabowie. Islam. Świat / pod redakcja Marka M. Dziekana i Izabeli Kończak.* Łódź: Ibidem, 2007.
- Rybalkin Valeriy S.* 'Amal // *Encyclopaedia of Arabic language and linguistics.* Leiden: E.J. Brill, 2007a. Vol. 1.
- Š. Kitāb. Abū Sa'id al-Ḥasan b. 'Abdallāh as-Sīrāfi. Šarḥ Kitāb Sibawayhi. Ġ. 1 / Tahqīq Ramadān 'Abd at-Tawwāb wa-Mahmūd Fahmī Hiġāzī. Ġ. II / Tahqīq Ramadān 'Abd at-Tawwāb.* Al-Qāhira: al-Hay'a al-Mišrīya al-'Āmma li-l-Kitāb, 1986; 1990.
- Šāhibī. Ibn Fāris. Aš-Šāhibī fī fiqh al-luġa wa-sunan al-'arab fī kalāmiḥā / Tahqīq Mušṭafā aš-Šuwaymī.* Bayrūt, 1382/1963.
- Schaade A. Sibawaihi's Lautlehre.* Leiden, 1911.
- Ta'rīḥ. Al-Ḥafīb al-Baġdādī. Ta'rīḥ Baġdād.* 14 Mġld. Bayrūt, bidūn ta'rīḥ.
- Ṭabaqāt. Zubaydī, Abū Bakr M.b. al-Ḥasan al-Andalusī. Ṭabaqāt an-nahwiyyīn wa-l-luġawīyyīn / Tahqīq Abī -l-Fadl Ibrāhīm. Ṭab'a 2.* Al-Qāhira: Dār al-Ma'arif, 1984.
- Tahzīb. Al-Azharī. Tahzīb al-luġa / Tahqīq Muḥammad 'Abdussalām Hārūn wa-ġayrihi. Ġ. 1–15.* Al-Qāhira, 1964–1967.
- Versteegh C.H.M. Al-Zaġġiġdġī // EI² XI (fasc.185–186).* 2001.
- Versteegh C.H.M. Arabic Grammar and Qur'anic Exegesis in Early Islam.* Leiden: Brill, 1993.
- Versteegh C.H.M. The explanation of Linguistic Causes. Al-Zaġġaġī's Theory of Grammar.* Amsterdam, 1995.